

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ДАРАХ

Много лет мне неясен был смысл стихотворения Иосифа Бродского: «В Рождество все немного волхвы. В продовольственных слякоте и давка. Из-за банки кофейной халвы производит осаду прилавка грудой свёртков навьюченный люд: каждый сам себе царь и верблюды».

Задевало как-то это смешение времён. Ведь мы привыкли читать о Рождестве стихи, написанные высоким стилем не позднее позапрошлого века.

А с другой стороны, вдруг отличие стиля изложения отдаляет о нас события, как бы театрализует их, делает похожими на картинки их детских книг? Слишком много сказано было за все века, одето словами, пересказами пересказов слов. Как под всеми словами отыскать сокровище – собственное свидетельство важнейшей в жизни Встречи? Как передать нашим детям яркость и значимость рождения Богомладенца, чтобы они истинно ощутили это как личный праздник?

Есть ещё рассказ А.П. Чехова «Студент», где поставлен тот же вопрос – насколько близки к нам Евангельские события, и могут ли они стать реальным переживанием современного человека.

Теперь студент думал о Василисе: если она заплакала, то, значит, всё, происшедшее в ту страшную ночь с Петром, имеет к ней какое-то отношение...

Он оглянулся. Одиноким огнём спокойно мигал в темноте, и возле него уже не было видно людей. Студент опять подумал, что если Василиса заплакала, а ее дочь смутилась, то, очевидно, то, о чем он только что рассказывал, что происходило девятнадцать веков назад, имеет отношение к настоящему — к обеим женщинам и, вероятно, к этой пустынной деревне, к нему самому, ко всем людям. Если старуха заплакала, то не потому, что он умеет трогательно рассказывать, а потому, что Пётр ей близок, и потому, что она всем своим существом заинтересована в том, что происходило в душе Петра.

И радость вдруг заволновалась в его душе, и он даже остановился на минуту, чтобы перевести дух. Прошлое, думал он, связано с настоящим непрерывную цепью событий, вытекавших одно из другого. И ему казалось, что он только что видел оба конца этой цепи: дотронулся до одного конца, как дрогнул другой.

Герой чеховского рассказа ощутил эту связь, как неразрывную цепь времён. Подобное встречаем мы и в стихотворении Бродского:

«И разносчики скромных даров в транспорт прыгают, ломятся в двери, исчезают в провалах дворов...» В данном случае, нас с волхвами сближает желание принести свои дары. Мы приносим их любимым людям, ненарочито исполняя заповедь о любви к ближним. А тем самым – приносим дары Христу:

То и празднуют ныне везде,
Что Его приближенье, сдвигая
Все столы. Не потребность в звезде
Пусть ещё, но уж воля благая
В человеках видна издали
И костры пастухи разожгли».

...Расскажу сейчас о подарках, полученных нами в монастыре в дни подготовки к Рождеству. Второго января старшие девочки из Клуба Краеведов поехали в монастырь св. прп. Александра Свирского для того, чтобы помолиться и потрудиться там. Как раз в эти дни ударил сильнейший мороз. Можно сказать – мы выехали из слякотного серого города, а приехали в заснеженное прошлое – так необыкновенно в темноте светились силуэты белых монастырских стен, храмов и колоколен, так скрипел снег и, казалось, что от мороза звёзды высоко звенят в небе. Мы зашли на территорию Троицкой части монастыря и замерли. Ведь именно такую картину могли видеть наши соотечественники несколько веков назад – белый однокупольный Троицкий храм, острые зубцы звонницы и луна... Воплощенное молчание. Оно было осязаемым, словно упругим. Как хорошо здесь молчать. Как часто мы трещим от мелкости, и как хорошо молчать с кем-то о великом...

- Храм-то знаете как мыть? – спросила у нас на другой день старенькая добрейшая монахиня Екатерина, несущая послушание в храме Захарии и Елисаветы.

- А чего знать? Тряпку взяли и моем...

- Нет, мои дорогие! Храм надо мыть благоговейно, с молитвой и молчать при этом...

Хорошо, когда каждое движение имеет смысл. Хорошо, когда имеешь возможность в него погрузиться.

- Матушка Екатерина, помолитесь обо мне – просит одна насельница монастыря, - Вот все кругом радостные, а я грустная...

Матушка обнимает её:

- Это ты сверху только грустная, а внутри-то ты радостная!

Да мы все такие. Надо только не забывать про внутреннего человека...

Трудились много – и у подсвечников, и в Преображенском храме, и в церковной лавке. Много было встречено людей из разных, даже очень да-

лёких мест. Матушка Екатерина подарила нам на прощание красивые чайные ложечки с надписью «Ангела за трапезой». В лавке нам подарили календари, шоколадки, много ещё всего. Дарили любовь, дарили радость. Но об одном подарке надо рассказать особо.

Был морознейший вечер. Мы задержались в лавке с последними покупателями, потом сдавали деньги, заполняли ведомости. Короче говоря, когда пришли на трапезу, кастрюли были пусты. Сейчас в монастыре живёт много трудников. Мороз их собирает. К лету рассеиваются. Вообще, ушли мы голодные. Не то, чтобы очень огорчились. Задача была – не замёрзнуть по пути на тёмной дороге. Идём, снег скрипит, звёзды звенят, всё как положено. Вдруг навстречу нам яркие фары – джип огромный такой. Я решила пошутить: «Хотите, он остановится? Вот мы сейчас гимн России запоём, а когда гимн звучит, все должны стоять». Выстроились мы вдоль дороги, и я запела гимн слабым голосом на морозе. А машина вдруг и правда остановилась. И выглядывают из неё: незнакомый крупный такой дяденька и наш друг отец Игнатий. Спрашивает, как наши дела, говорим про неудавшийся ужин. Пошутили, посмеялись, и они дальше поехали. И мы дальше пошли. Совсем уж замёрзнуть стали. Тут девчонки мне говорят: «Машина сзади». А я им: «Хотите, и эту остановим тем же способом?». Снова мы с дороги уходим, и я гимн начинаю петь. И что вы думаете? – машина останавливается. Водитель дверцу приоткрывает и говорит: «А ну быстро лезьте сюда!» Мы ещё от хохота не отошли, но быстренько прыгнули, даже не спросили – куда едем. Так чудесно было! А водитель привёз нас к ресторану в центре посёлка, мне в руки 5 тысяч сунул и пожелал приятного аппетита. Это тот же самый оказался, Иван, который о. Игнатия вёз.

Вот и такие бывают подарки.

«В Рождество все немного волхвы...»

Светлана Завьялова

